

БОРИС КРИГЕР

«Credo
quia
Absurdum»

**АБСУРДНАЯ
ВЕРА
ТЕРТУЛЛИАНА**

БОРИС КРИГЕР

**АБСУРДНАЯ ВЕРА
ТЕРТУЛИАНА**

© 2024 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Абсурдная вера Тертуллиана

Книга представляет собой исследование богословской концепции, связанной с парадоксальной природой христианской веры. Ключевая идея — это взаимодействие разума и веры в понимании Тертуллиана, одного из первых латинских богословов. Популярное изречение, приписываемое ему — «Верую, ибо абсурдно», — оказывается неверно интерпретировано: сам Тертуллиан подобной фразы не произносил, а говорил о «достоверности невозможного». Его подход основывался не на отрицании логики, а на указании её границ в попытке осмыслить Божественное. Абсурдность для Тертуллиана становится свидетельством трансцендентной природы откровения, показывающего, что истина, превосходя человеческий разум, открывается через кажущуюся невозможность.

Текст раскрывает, как идея Тертуллиана изначально служила доказательством уникальности христианской веры, где парадокс воскресения и спасения через крест подчеркивал глубину Божественного замысла. Вера не разрушает разум, а помогает осознать его ограничения, предлагая иной, более высокий взгляд на реальность. Подлинный смысл обсуждаемого изречения — не в слепом принятии абсурдного, а в признании, что человеческая логика не способна полностью охватить Божественное. Такой подход остаётся актуальным и сегодня, способствуя диалогу между разумом и верой, их взаимодополняющему поиску истины.

АБСУРДНАЯ ВЕРА ТЕРТУЛЛИАНА

Изречение «Верую, ибо абсурдно» давно стало символом противоречия между верой и разумом, привлекая внимание философов, богословов и критиков различных мировоззренческих систем. Став крылатым выражением, она часто интерпретировалась как апофеоз иррациональности, подчеркивая разрыв между человеческим разумом и таинством веры. Однако история этой фразы и её действительный смысл уходят корнями в богословские размышления, не столь однозначные, как может показаться на первый взгляд.

Эта мысль традиционно связывается с трудами Тертуллиана, раннехристианского апологета, чьи сочинения служили ответом на вызовы как внешней языческой философии, так и внутренних споров внутри христианской общины. Считается, что он сформулировал эту фразу в контексте защиты веры перед лицом рационалистических сомнений. Однако тщательный анализ его текстов показывает, что сама по себе эта фраза в его сочинениях отсутствует. Её происхождение, скорее, связано с интерпретацией его мысли, выраженной в рассуждениях о божественной логике, которая превосходит человеческое понимание. Тертуллиан, ссылаясь на парадоксальное соединение божественного и человеческого в воплощении Христа, писал о том, что именно невероятное, необъяснимое и, на первый взгляд, абсурдное с точки зрения земной логики становится подтверждением подлинности откровения.

Важно осознать, что само понятие абсурда в этом контексте не является отказом от разума или принятия хаотичных идей. Скорее, оно указывает на пределы человеческого мышления, которое не способно до конца проникнуть в тайну Божественного. Абсурдность здесь – не разрушение логики, а её трансценденция, её преодоление в высшей истине. Если бы вера была полностью логичной, то она оставалась бы продуктом человеческого разума и теряла бы свою божественную природу. Именно это делает её предметом восхищения, испытания и смирения.

Однако следует уточнить, что не всё нелогичное и кажущееся абсурдным автоматически относится к сфере божественного. Вера, хотя и превосходит человеческую логику, не отвергает, но объёмлет её, поднимая на иной уровень. Это различие принципиально: вера не является оправданием для нелепости, но позволяет увидеть за кажущимся абсурдом более глубинную реальность. Такой подход требует не просто пассивного принятия, но активного поиска смысла, готовности выйти за рамки привычных представлений и допустить, что истина может оказаться иной, чем ожидалось.

Православный взгляд на проблему веры и её кажущейся абсурдности строится на основе богословской традиции, где разум и вера рассматриваются как взаимодополняющие дары Божьи. В отличие от более радикальных интерпретаций, православие утверждает, что вера никогда не отвергает разум, но поднимает его на более высокий уровень, позволяя преодолеть его ограниченность. Вместе с тем, таинственность веры, выходящая за пределы рационального осмысления,

воспринимается как естественное следствие её Божественного происхождения.

Центральным для православной мысли является понимание Бога как Трансцендентного и Непостижимого, одновременно остающегося близким и открытым для человека через откровение. В этом контексте кажущаяся абсурдность веры не воспринимается как доказательство её иррациональности, а рассматривается как показатель глубины и непостижимости Божественного замысла. Вера в православии — это не слепое принятие невозможного, а опыт встречи с Тайной, которая открывается через молитву, духовную жизнь и освящённое разумное размышление.

Абсурд, в православном понимании, чаще всего связывается с человеческой неспособностью охватить Божественное своим ограниченным разумом. В этом смысле православное богословие перекликается с традицией апофатического подхода, который подчёркивает, что все наши слова и представления о Боге — это лишь несовершенные попытки выразить неизреченное. Апофатизм — это философский и богословский метод описания чего-либо через отрицание, то есть через утверждение о том, чем это не является. Термин происходит от греческого слова означающего "отрицание".

Апофатический подход чаще всего используется в теологии для описания Бога или божественного, подчёркивая, что человеческий язык и понятия недостаточны, чтобы выразить суть абсолютной реальности. Вместо того чтобы утверждать, кем или чем является Бог (катофатический метод), апофатизм

говорит о том, кем или чем Бог не является. Например:

- Бог не является конечным.
- Бог не подвержен времени или пространству.
- Бог не ограничен человеческими представлениями.

Такой метод помогает избежать антропоморфизма и утверждать трансцендентность высшей реальности, подчёркивая её неопиcуемость.

Такой подход призывает к смирению: вместо того чтобы стремиться полностью постичь Бога интеллектуально, человек должен довериться Ему в вере, осознавая, что истина открывается не только через рассуждение, но и через духовный опыт.

Одновременно православие подчёркивает, что Бог не является Богом хаоса или бессмысленности. Любая «абсурдность» веры объясняется не Божественным противоречием, а нашей ограниченностью. Именно поэтому Священное Писание и Предание играют такую важную роль в православии — они дают основу для того, чтобы различать подлинное Божественное откровение от человеческих фантазий или заблуждений. Логика, очищенная верой и просвещённая Духом Святым, остаётся важным инструментом в богословии, которое стремится к полноте понимания, сохраняя смирение перед неизреченной тайной.

Для православного сознания, парадоксальность веры, например, спасение через крест или воскресение, — это не повод для сомнений, а выражение любви Бога, действующего не по человеческой логике, но ради

нашего спасения. Как говорил апостол Павел, «слово о кресте для погибающих — юродство есть, а для нас, спасаемых, сила Божия» (*Первое послание апостола Павла к Коринфянам, глава 1, стих 18.*).

Эта мысль хорошо отражает православное понимание: «абсурдность» христианской веры является не абсурдом в прямом смысле, а свидетельством того, что она исходит от Того, Кто превосходит всё земное.

Очевидным образом, православный взгляд соединяет в себе смиренное принятие тайны и стремление к её разумному осмыслению, утверждая, что вера не отрицает разум, но помогает ему видеть дальше, чем это возможно собственными силами. Абсурд в вере не является самоцелью или оправданием иррациональности, а указывает на встречу с Божественным, которое превосходит, но не противоречит подлинной логике.

Тертуллиан, один из ключевых фигур раннехристианской мысли, жил в эпоху, когда церковь сталкивалась с множеством вызовов, как извне, так и внутри. Родившись около 160 года, он стал первым крупным богословом, писавшим на латинском языке, что сделало его сочинения более доступными для римского мира. Одной из его главных заслуг стало развитие концепции Троицы — учения о триединстве Бога, впоследствии ставшего краеугольным камнем христианского богословия. Вместе с тем он активно противостоял таким учениям, как докетизм, отрицавший подлинность телесной природы Христа и его реальных страданий.

Фраза «это несомненно, потому что невозможно» из трактата «О плоти Христа» была написана в 203 году,

когда Тертуллиан активно выступал против докетизма. Для докетистов идея страдающего Бога представлялась абсурдной. Они утверждали, что Христос лишь казался человеком, а его страдания на кресте были иллюзией. В ответ на это Тертуллиан выдвинул парадоксальный тезис: именно невозможность с точки зрения человеческой логики делает истину воплощения и распятия Христа несомненной. По его мнению, реальная плоть, подверженная страданиям и смерти, была необходимым условием спасения человечества. Божественный замысел, выходящий за пределы человеческого понимания, не мог укладываться в привычные категории разума.

Однако изначальный смысл этих слов подвергся значительному искажению в ходе истории. В эпоху Просвещения, когда интеллектуалы стремились противопоставить разум религиозной вере, фраза «Кр+эдо к+ия абс+урдум» получила новую жизнь, хотя в таком виде в трудах Тертуллиана её никогда не существовало. Первым её популяризировал английский врач и писатель Томас Браун в своём произведении «Религия врача» (1643), где он дал свободную интерпретацию идеи Тертуллиана. Позднее Пьер Бейль в своём «Историческом и критическом словаре» (1697) и Вольтер, опираясь на её видоизменённое понимание, использовали её как символ религиозной иррациональности.

Просвещение, ставя разум во главу угла, представляло веру как нечто противоположное логике и рассудку. В этом контексте фраза стала ошибочно восприниматься как оправдание слепой веры, лишённой рациональных оснований. Такие интерпретации расходились с

первоначальным посылом Тертуллиана, который, хотя и подчеркивал трансцендентность веры, не отвергал разум, а указывал на его ограниченность перед лицом божественных тайн. В результате «верую ибо абсурдно» оказалось в центре споров между сторонниками веры и разума, став своеобразным мостом между богословской традицией и философскими дискуссиями о природе истины.

Современное восприятие фразы «Верую, ибо абсурдно» оказалось во многом оторванным от её первоначального смысла, сформулированного в богословских трудах Тертуллиана. Сегодня она часто ассоциируется с фидеизмом — учением, утверждающим превосходство веры над разумом и даже предполагающим, что вера достигает своей высшей формы именно в противостоянии разуму. В этом ключе фраза используется для подчеркивания дистанции между религиозным опытом и рациональной философией, нередко становясь символом иррациональности.

Сторонники фидеистского подхода видят в этой фразе подтверждение, что истинная вера не нуждается в обосновании через человеческую логику. Они интерпретируют её как призыв к отказу от рационального анализа в пользу непосредственного духовного доверия. Однако подобное прочтение несёт в себе значительное упрощение и даже искажение замысла Тертуллиана. Его работа, направленная против докетизма, вовсе не призывала к слепой вере, но подчеркивала сложность и парадоксальность отношений между разумом и откровением. Для него «невозможное» указывало не на отказ от логики, а на её превосходство в Божественном плане, который

выходит за рамки человеческого понимания.

В атеистической культуре, напротив, эта фраза зачастую используется как инструмент для дискредитации религии. Её трактуют как утверждение бездумности и даже безумия, превозносимого до добродетели. Подобный взгляд, возникший в эпоху Просвещения, продолжает использоваться в полемике, чтобы представить религиозное мировоззрение как противоречащее здравому смыслу. В этом контексте выражение «Верую, ибо абсурдно» становится символом того, что вера якобы предполагает отказ от критического мышления и принятие нелепостей как высшей истины.

Однако такая интерпретация игнорирует глубину философской аргументации Тертуллиана. Его тезис был не утверждением иррационального как такового, а указанием на границы человеческого разума. Он доказывал, что Божественное откровение, превосходящее возможности постижения, не поддается полной рационализации, оставаясь доступным для веры. При этом вера для Тертуллиана была не отказом от размышлений, но скорее приглашением к ним, попыткой осознать, что истинная реальность может быть иной, чем представляется на основании эмпирического опыта и логики.

Абсурд иногда возникает не как свидетельство бессмыслицы, а как признак границ понимания, указывающий на то, что нечто выходит за пределы привычного опыта или представлений. Этот феномен наблюдается в истории науки, философии и культуры, где множество великих открытий сначала воспринимались как нечто нелепое или противоречащее

здравому смыслу. Вера, как и глубокие научные теории, нередко воспринимается как абсурд именно из-за того, что её содержание превосходит привычные рамки человеческой логики и опыта.

Если попытаться объяснить современную теорию относительности или квантовую физику человеку, жившему в древние времена, его реакция, скорее всего, будет выражением недоумения или даже отрицания. Для человека, привыкшего к конкретным, видимым и осязаемым реалиям своего мира, идеи о кривизне пространства-времени, принципе неопределённости или существовании частиц, одновременно являющихся волнами, прозвучат как нечто не только невозможное, но и абсурдное. Однако этот «абсурд» рождается не из противоречия самой теории, а из разрыва между её сложностью и уровнем восприятия.

Вот как звучало бы описание принципа неопределенности из квантовой физики и основ теории относительности:

"Великое устройство мира скрывает в себе тонкую и странную истину. Как если бы ты пытался уловить тень на воде: чем сильнее стремишься, тем больше она ускользает. Если ты знаешь, где тень лежит, ты уже не можешь узнать, как она движется; а если следишь за её движением, то утрачиваешь точное место, где она пребывает. Такова природа малейших частиц, из коих сотворено всё видимое.

Что до великого пространства и времени, то знай: как корабль плывёт по морю, следуя за ветром, так и всё сущее течёт в реке бытия. Но река эта изгибается не прямо, а словно в кольце, ибо сами небо и земля не прямы, но словно растянуты и гнуты невидимой силой,

как ткань, натянутая под грузом. Там, где время замедляется, звёзды склоняются ближе друг к другу, и свет движется, словно уставая. Это не значит, что мир неправилен, но лишь что он тоньше и мудрее, чем наш разум может объять."

Этот пример подчеркивает, что абсурдность, как и вера, нередко становится мостом между известным и непостижимым, вынуждая пересматривать устоявшиеся принципы. Для древнего человека движение звёзд или затмение казались мистическими явлениями, а изобретения, такие как телеграф или электричество, могли бы восприниматься как магия. Но с развитием знаний то, что ранее выглядело нелепым, становилось очевидной истиной, пусть и после долгого сопротивления или скептицизма.

Так же и вера в своём глубинном смысле представляет собой попытку осознать нечто, выходящее за пределы земного опыта и доступного понимания. Для человека, привыкшего к строгой причинно-следственной логике или видимой рациональности мира, Божественное откровение с его парадоксами и тайнами может показаться нелепым или необъяснимым. Однако это только указывает на то, что вера имеет дело с иной, более высокой реальностью, выходящей за границы привычных категорий. Как и научные теории, которые сначала кажутся странными, а затем раскрывают свою внутреннюю стройность, вера предлагает человеку не отвергать таинственное, а стремиться к его постижению.

Абсурд, таким образом, не является доказательством ложности, но показывает, что наше восприятие ограничено. Он служит напоминанием, что мир всегда

шире и глубже, чем способны охватить разум и чувства, и призывает к смирению перед неизведанным. Подобно тому, как наука движется вперёд, преодолевая кажущееся противоречие, так и вера ищет выход за пределы видимого, предлагая иное, более глубокое понимание истины.

Оригинальный смысл рассуждений Тертуллиана заключался в том, чтобы подчеркнуть парадоксальную природу христианской веры, которая, будучи невероятной и кажущейся нелогичной с точки зрения человеческого мышления, открывает глубину Божественного замысла. Одним из ключевых примеров, на которые он опирался, было воскресение Христа, событие, превосходящее рамки человеческого опыта и поэтому подвергавшееся сомнению как со стороны языческой философии, так и внутри христианской общины.

Тертуллиан утверждал, что если бы евангельские авторы намеревались обмануть человечество, то они предложили бы историю, более соответствующую представлениям и ожиданиям людей. Логичный обман должен быть убедительным, вписанным в известные категории и укладывающимся в привычное мышление. Однако весть о воскресении, будучи не только невероятной, но и абсурдной с точки зрения здравого смысла, в глазах Тертуллиана служила доказательством её подлинности. Никакой человек, по его мнению, не стал бы выдумывать нечто столь противоречащее логике и здравым рассуждениям, так как это автоматически вызвало бы сопротивление и недоверие.

Более того, Тертуллиан не видел в этом призыва к отвержению разума. Его аргументация основывалась на том, что вера и разум не являются врагами, но представляют собой два подхода к постижению реальности. Разум, по мнению Тертуллиана, способен увидеть истину не в том, что легко объяснимо, но в том, что превосходит его пределы. Нелогичность воскресения, по его мнению, не разрушает логику, а указывает на её ограничения. В этом смысле вера становится дополнением к разуму, а не его отрицанием. Она помогает осознать, что есть сферы, где человеческие категории оказываются недостаточны, и где тайна Божественного плана раскрывается через то, что на первый взгляд кажется невероятным.

Этот подход демонстрирует, что Тертуллиан, защищая абсурдность воскресения, утверждал не бессмысленность веры, а её глубину. Абсурдность в данном случае становится показателем её Божественного происхождения, поскольку человеческий разум не способен придумать и принять то, что выходит за его пределы. Вместо того чтобы отвергать разум, Тертуллиан использовал его, чтобы показать: там, где заканчиваются человеческие аргументы, начинается пространство веры, связывающее конечное с бесконечным.

Связь идей Тертуллиана с Писанием глубоко укоренена в христианской традиции, где парадоксальная природа веры неоднократно подчёркивается как свидетельство её Божественного происхождения. Одной из ключевых отсылок, на которые опирается богословская мысль, является послание апостола Павла к Коринфянам, где сказано: «Разве Бог не показал, что вся мудрость этого

мира на самом деле глупость?» (*Первое послание апостола Павла к Коринфянам, глава 1, стих 20.*). Эта мысль становится центральной в понимании того, как вера открывает истину через разрушение привычных человеческих представлений.

Абсурдность спасения через крест — одно из наиболее ярких воплощений этого парадокса. В глазах античного мира, где сила и могущество были главными признаками величия, идея, что Спаситель человечества подвергся унижительной казни, выглядела как нечто немыслимое. Для эллинов это противоречило их поиску логики и гармонии, а для иудеев становилось камнем преткновения, поскольку не соответствовало их представлениям о Мессии как победоносном царе. Тем не менее, именно это событие становится сердцем христианского благовестия, показывая, что Божественный замысел превосходит человеческие ожидания и разум.

Вера в спасение через крест разрушает человеческую логику не для того, чтобы утвердить абсурд как самоцель, но чтобы показать ограниченность земной мудрости перед лицом Божественной истины. В этом контексте «глупость» креста становится свидетельством того, что спасение принадлежит не человеку, но Богу. Если бы замысел о спасении укладывался в рамки человеческой логики, он неизбежно был бы продуктом человеческого ума и терял бы свою трансцендентность. Однако его кажущаяся нелепость подчеркивает, что он исходит из источника, находящегося за пределами земного опыта.

Этот подход перекликается с размышлениями Тертуллиана, утверждавшего, что невероятность

воскресения Христа и спасения через крест служит доказательством их подлинности. Подобно тому, как апостол Павел противопоставляет Божественную мудрость человеческой, Тертуллиан подчеркивает, что вера требует выхода за границы привычного мышления. Это не означает отвержение разума, но его преобразование, признание того, что истина может быть глубже и сложнее, чем допускают земные представления.

Божественное превосходство, таким образом, проявляется именно в тех аспектах веры, которые кажутся людям парадоксальными. Через то, что мир считает глупостью, Бог открывает свою силу и любовь, призывая человека к смирению и доверию. Крест, будучи символом этого парадокса, не просто разрушает человеческую логику, но созидает новую, где главенствует не разум как автономная сила, а разум, просветлённый верой. Это делает абсурдность не препятствием, а приглашением к глубинному переосмыслению собственной мудрости и поиску Божественного замысла.

Так выглядит полная цитата из работы Тертуллиана "О плоти Христа":

«Кроме этих, я не нахожу причин для стыда, которые показывали бы, что я, презрев стыд, счастливо бесстыден и спасительно глуп. Сын Божий распят — это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий — это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребенный, воскрес — это несомненно, потому что невозможно.»

Как видите, у Тертуллиана вообще нет фразы "верую, ибо невозможно" или "верую, ибо абсурдно".

Фраза «Сын Божий распят — это не стыдно, ибо достойно стыда» говорит о том, что распятие, рассматриваемое как унижение в человеческих категориях, обретает в вере противоположное значение — высшую славу и свидетельство Божественного самоотвержения. Тертуллиан указывает, что именно этот парадокс подчеркивает уникальность христианства: то, что кажется позором, становится источником спасения. Далее он утверждает: «И умер Сын Божий — это совершенно достоверно, ибо нелепо». Здесь «нелепо» (на латыни. *In+eptum*) используется для выражения того, что событие смерти Бога выходит за рамки человеческого разума и логики, но именно эта невероятность делает его истинным в глазах верующего. Наконец, «и, погребенный, воскрес — это несомненно, потому что невозможно» связывает факт воскресения с его кажущейся невозможностью. По Тертуллиану, именно то, что событие невозможно с точки зрения человеческой логики, делает его свидетельством Божественной силы, превосходящей любые ограничения разума.

Таким образом, выражения, которые использует Тертуллиан, не являются бездумным отказом от логики, а скорее инструментом её преодоления. Он предлагает читателю принять парадокс как доказательство того, что христианская вера основана не на человеческих вымыслах, а на реальности, превосходящей понимание. Эта невероятность для Тертуллиана не умаляет достоверности событий, но напротив, укрепляет её: то, что нельзя было бы выдумать, тем более не могло бы возникнуть из человеческого желания обмана.

Современные споры о границах разумной и абсурдной веры фокусируются на том, насколько оправданным может быть принятие верований, которые выходят за пределы человеческой логики. Фраза Тертуллиана, как её интерпретируют, продолжает служить вызовом для философии и религии, провоцируя размышления о том, где находится граница между истинной верой и иррациональным заблуждением.

Абсурд, по мысли Тертуллиана, может быть оправдан только в контексте, где он становится свидетельством трансцендентного — того, что исходит из Божественного замысла и превосходит человеческий разум. Этот подход делает абсурдность скорее критерием, нежели оправданием веры. Подлинная вера, несмотря на свою парадоксальность, должна не разрушать разум, а помогать осознать его пределы. Это подчёркивает, что абсурд в вере должен быть осмысленным и направленным на раскрытие высшей истины, а не служить ширмой для хаоса, вымысла или самообмана.

Однако эта позиция вызывает вопрос: можно ли использовать абсурдность как универсальное оправдание для любых верований? Здесь важно учитывать, что сам Тертуллиан не призывал к принятию чего-либо бездумного или противоречивого. Его аргументы всегда исходили из осознанного размышления о природе Божественного и основывались на парадоксе как явлении, указывающем на выход за пределы земного. Абсурд для него был не самоцелью, а способом указать на уникальность откровения. Соответственно, не всякое абсурдное утверждение заслуживает веры; оно должно быть связано с высшей

целью, подтверждаться опытом или свидетельствами, которые, хотя и кажутся невозможными, обретают смысл в рамках веры.

В наше время этот вопрос остаётся особенно острым, поскольку религиозное сознание сталкивается с критикой со стороны как рационалистов, так и сторонников полного субъективизма в вере. Рационалисты утверждают, что вера должна быть полностью согласована с логикой, отвергая любую форму абсурдного. С другой стороны, радикальные субъективисты могут использовать концепцию абсурда как оправдание для любых убеждений, даже тех, которые противоречат не только логике, но и этическим нормам. Это порождает риск размывания границ между верой и суеверием.

Фраза Тертуллиана остаётся ключевым вызовом для этих дискуссий, ставя под сомнение абсолютный примат логики в поиске истины. Она напоминает, что истина не всегда укладывается в рамки человеческого разума, требуя доверия, которое превосходит способность объяснить. Однако этот вызов не должен становиться оправданием для отказа от критического мышления. Вера, хоть и связана с трансцендентным, должна быть глубоко укоренена в поиске смысла и стремлении к истине. Абсурдность в таком контексте становится не разрушением, а ступенью к пониманию, пробуждая человека к осознанию того, что истинная реальность намного больше, чем можно вообразить.

Вера в Бога, как и многие аспекты духовного опыта, кажется абсурдной именно потому, что её источник находится за границами человеческого понимания. Божественная реальность, превосходящая законы

материального мира, оказывается не враждебной логике, а недоступной её полному постижению. Это как попытка объяснить сложные научные концепции человеку, не знакомому с их основами: истина остаётся реальной, но требует иной системы координат для её понимания.

Разумеется, абсурдность может быть не только признаком глубинного непонимания, но и проявлением истинного хаоса или бессмысленности. Здесь лежит ключевая проблема: как отличить абсурд, возникающий из-за ограниченности человеческого восприятия, от абсурда, который действительно является результатом путаницы, вымысла или самообмана.

Когда вера кажется абсурдной, важно задать вопрос: отражает ли это наше неспособное объять разумом истинное, лежащее за пределами человеческой логики, или это лишь вымысел, прикрывающийся мистическим образом? Тертуллиан предлагал абсурдность как свидетельство Божественного, но лишь в тех случаях, где это соответствовало внутренней целостности замысла. Нелогичность здесь была не хаотичной, а парадоксальной, указывающей на гармонию более высокого порядка, недоступную полному осмыслению.

Однако, когда абсурд не несёт за собой глубины или приводит лишь к хаосу, он превращается в простую нелепость. Это может быть вызвано человеческими ошибками, выдумками или отсутствием внутренней связи с истиной. Такая абсурдность, в отличие от Тертуллиановской, разрушает, а не созидает. Поэтому различие между кажущейся невозможностью, ведущей к познанию, и истинной бессмыслицей становится ключевым вопросом.

Вера, как и любые другие убеждения, требует осознанности. Признание пределов разума не должно становиться оправданием для принятия всего абсурдного. Тертуллиан сам подчёркивал, что вера, даже в её парадоксах, должна быть связана с истиной. Если же абсурдность остаётся лишь абсурдностью, она не указывает на Божественное, а остаётся внутри человеческой путаницы или самообмана, требуя трезвого размышления и различения.

Вера в христианское учение, несмотря на его парадоксальность, не может основываться исключительно на его абсурдности. Абсурдность сама по себе лишь указывает на границы человеческого понимания, но не предоставляет достаточных аргументов в пользу истины. Однако христианство обрело своё уникальное место не благодаря только своей кажущейся невозможности, а потому что его учение демонстрирует поразительную объяснительную и предсказательную силу, раскрывая глубинные истины о человеческой природе, обществе и истории.

На протяжении двух тысячелетий христианство предлагало не только взгляд на мир, но и эффективные инструменты для осмысления того, что происходит в человеческой жизни. Оно не просто рассказывает историю о сотворении мира или спасении, но даёт целостную картину реальности, включающую ответы на самые сложные вопросы о добре и зле, смысле страданий, назначении человека и тайне смерти. Эта картина не только объясняет текущие явления, но и удивительным образом предсказывает закономерности в поведении индивидов и обществ.

На индивидуальном уровне христианство глубоко проникает в сердце человеческой природы. Его учение о грехе и спасении точно описывает внутренние конфликты человека, его склонность к эгоизму и одновременно стремление к любви, милосердию и истине. Оно предсказывает, что каждый, кто будет жить в согласии с этими принципами, обретёт внутренний мир и гармонию, несмотря на внешние трудности. Этот эффект испытан множеством людей, обращённых к вере, чья жизнь преобразилась благодаря следованию учению Христа.

На уровне мирового масштаба христианство предсказало и описало устойчивые закономерности в истории. Его видение природы власти, стремления к величию и неизбежного краха империй, построенных на гордыне, оказалось удивительно точным. Оно предсказало, что любовь, милосердие и служение другим будут побеждать там, где насилие и жажда господства потерпят крах. Учение Христа о том, что последние станут первыми, а кроткие наследуют землю, неоднократно подтверждалось в истории, когда неприметные движения любви и милосердия меняли целые эпохи.

Эта объяснительная и предсказательная сила, способная давать ясность в хаосе и вдохновение в бессмысленности, заставляет задуматься о её источнике. Сложно поверить, что столь глубокое и универсальное понимание могло быть результатом исключительно человеческого разума, ограниченного временем и культурными рамками. Это позволяет предположить, что источник этой мудрости находится за пределами человека — в Божественном начале,

которое не только создало этот мир, но и продолжает влиять на него.

Именно сочетание парадоксальной, на первый взгляд, абсурдности с её поразительной способностью объяснять и изменять реальность становится основой для веры. Абсурдность здесь становится не препятствием, а маркером чего-то большего — того, что превосходит человеческое понимание, но при этом удивительно гармонично встраивается в структуру мира.

Важность восстановления подлинного смысла слов Тертуллиана заключается не только в исторической справедливости, но и в сохранении интеллектуальной глубины веры. Абсурд, в его богословском контексте, не является самоцелью, а становится мостом между конечным разумом человека и бесконечным замыслом Бога. Осмысленный абсурд позволяет верующему признать, что человеческая логика — это лишь частичное отражение истины, которое, несмотря на свою ограниченность, всё же способно приблизить нас к пониманию Божественного.

Исследование этой цитаты возвращает христианской вере её философскую и интеллектуальную полноту, разрушая миф о том, что вера предполагает отказ от разума. Напротив, в оригинальном смысле Тертуллиана вера становится вызовом для мышления, побуждающим его к смирению перед тайной, но при этом не отказывающимся от поиска понимания. Такое переосмысление способствует диалогу между разумом и верой, сохраняя их взаимодополняющую природу и возвращая христианскому мировоззрению его истинное измерение — сочетание глубокой интеллектуальности и

духовной прозорливости.

Tertullian. (203 CE). *De Carne Christi* (On the Flesh of Christ).

Anselm of Canterbury. (1078). *Proslogion*.

Kierkegaard, S. (1843). *Fear and Trembling*.

Bayle, P. (1697). *Historical and Critical Dictionary*.

Voltaire. (1764). *Philosophical Dictionary*.

McGrath, A. E. (2004). *The Twilight of Atheism: The Rise and Fall of Disbelief in the Modern World*. Oxford University Press.

Plantinga, A. (2000). *Warranted Christian Belief*. Oxford University Press.

Kruger, B. (2015). *Faith beyond reason: Rethinking Tertullian's 'absurdity': Rethinking the relationship between faith, reason, and the impossible*. Orthodox Faith.

